

Глава 28

Сун Чжэньцзинь вышел, чтобы принести им горячего чая.

Заметив, что в доме нет ни мачехи, ни сводного брата, ни самого Сун Чжунхэ, он сразу понял: отец, опасаясь упрёков, снова сбежал.

Услышав тихий разговор в комнате, он, скрыв своё раздражение, вошёл и принялся разливать чай.

Супруги уже пришли в себя и теперь подробно, с самого начала, пересказывали Е Ишу всё, что произошло.

Выслушав их, Е Ишу понял, что младший дядя влез в игорные долги, и это заставило его сердце тяжело сжаться. Губы его побледнели, а яркое, живое лицо вдруг обрело хрупкое и уязвимое выражение. Родители, увидев это, решили, что он опечален, и поспешили заверить:

— Гээр, не волнуйся, отец с матерью всё уладят.

Даже глиняная фигурка разгневалась бы, если бы её так унизили, а уж Ши Пулю, которая души не чаяла в своём ребёнке, и подавно. Она втайне решила, что, вернувшись домой, непременно добьётся справедливости для сына.

Е Чжэнкунь согласно кивнул. Ещё по пути домой, не застав сына, он всё для себя решил. Когда же он узнал, что родители продали гээр, гнев, который он сдерживал из-за беспокойства о сыне, вскипел с новой силой.

Впрочем, был и другой вопрос. Вначале они оба были против брака Е Ишу с семьёй Сун, но теперь, когда дело было сделано, они не знали, что и сказать.

— Гээр, ты... как вы с доктором Сун собираетесь жить дальше?

Е Ишу задумался, затем взглянул на Сун Чжэньцзиня.

— Тебя принудили, и я не стану тебя задерживать. Когда всё уляжется, мы сможем спокойно разойтись, сославшись на несходство характеров. Что скажешь?

— Как скажешь, так и будет, — ответил Сун Чжэньцзинь.

Е Чжэнкунь и Ши Пулю переглянулись. Они хотели возразить, но не знали, стоит ли. Их гээр всегда был решительным, и в таком деле лучше было положиться на его волю. Вот только...

после развода его репутация пострадает, и найти новую партию будет ещё труднее.

Ши Пулю украдкой смахнула слезу.

Пробыв ещё немного в доме Сун и убедившись, что с Е Ишу всё в порядке, Е Чжэнкунь и Ши Пулю с мрачной решимостью отправились домой.

В это время старики Е, решив важный вопрос и выпроводив Е Ишу из дома, пребывали в прекрасном расположении духа. Они полулежали на кровати и с удовольствием грызли семечки, принесённые из дома семьи Сун.

Но их безмятежность была нарушена яростным стуком в дверь. Ли Сынян швырнула семечки на стол и сердито проворчала:

— Кого там принесло!

Она распахнула дверь, и рука Е Чжэнкуня, занесённая для следующего удара, едва не угодила ей в лицо.

Ли Сынян в ответ вlepила ему пощёчину.

— Вернулись. Раз вернулись, живо ступайте готовить ужин!

— Матушка, у меня к вам дело, — сказал Е Чжэнкунь.

Ли Сынян нетерпеливо взглянула на него и плюхнулась на стул. Старик, дремавший на кровати, тоже поднялся и сел за стол.

— Какое ещё дело?

— Отец, матушка, я хочу отделиться.

— Что ты сказал?! — взвизгнула Ли Сынян, её глаза хищно сузились, впиваясь в старшего сына, который всегда был таким покорным.

Е Чжэнкунь, как его звали в семье, тяжело опустился на колени, его голос звучал твёрдо:

— Матушка, я хочу отделиться.

Ли Сынян в ярости схватила чашку и швырнула её на пол.

— Да как ты смеешь!

Чашка разлетелась на мелкие осколки. Ли Сынян вся дрожала от гнева.

— Ах ты, неблагодарный сын! — глухо прорычал Е Кайлян.

— Я неблагодарный? А четвёртый брат — сама почтительность! Вы сговорились и продали моего гээр, даже не потрудившись узнать, что за человек его свёкор и что он натворил в прошлом! Что это за семья такая?! — Е Чжэнкунь с такой силой сжал кулаки, что костяшки затрещали. Впервые в жизни он осмелился так говорить с отцом.

— Что за семья! Ему жить не со свёком, а с мужем. Доктор Сун — человек видный и талантливый, чем он плох?!

— Я нашла твоему гээр, которого никто замуж не брал, такого хорошего мужа, а ты мне тут бунты устраиваешь! Совсем совесть потерял!

— Вон отсюда! — Ли Сынян ткнула пальцем в сторону двери. — Ещё раз услышу про раздел, так и знай — доведёшь стариков до смерти!

Е Чжэнкуня вытолкали из главной комнаты, и дверь захлопнулась прямо перед его носом. Он стиснул зубы. Его тело дрожало, но слова, сорвавшиеся с губ, были полны невиданной доселе решимости:

— Матушка, я всё равно отделюсь!

Е Ишу не знал, какие бури бушуют в доме Е. Смеркалось, и во дворе семьи Сун уже убрали стол. В нескольких соломенных хижинах остались только он и Сун Чжэньцзинь.

Пламя свечи трепетало, отбрасывая на стены причудливые тени.

Е Ишу собирался перекусить остатками ужина, но Сун Чжэньцзинь зажёл огонь, вымыл котёл и приготовил две миски лапши с яйцом.

Теперь он протрезвел и уже не ходил за Е Ишу по пятам, как раньше. Между ними сохранялась небольшая дистанция.

Тарелка горячей лапши в зимний день согрела и тело, и душу. Е Ишу выдохнул, и гнев на стариков, подстроивших ему эту ловушку, понемногу утих.

Вымыв посуду и прибрав на кухне, Е Ишу стал ждать распоряжений Сун Чжэньцзиня.

Но тот принёс горячей воды и, вернувшись в комнату, протянул ему чистое хлопковое полотенце. Е Ишу, взяв его, несколько озадаченно подумал, почему тот вдруг стал таким молчаливым.

Сун Чжэньцзинь, почувствовав его взгляд, отвернулся и пошёл в комнату.

Он принёс охапку соломы, расстелил на ней циновку, а сверху — матрас, одеяло и толстую стёганую куртку.

Когда Е Ишу закончил умываться и вошёл, он увидел, что доктор Сун уже приготовил себе постель на полу.

— Ты спи на кровати, а я на полу, — сказал Сун Чжэньцзинь, увидев его.

Е Ишу потрогал матрас, убедился, что он достаточно толстый, и кивнул. Не дожидаясь, пока Сун Чжэньцзинь поднимется, он снял одежду, обувь и забрался в постель.

Рука Сун Чжэньцзиня, опиравшаяся на одеяло, замерла. Он поспешно отвёл взгляд.

Свечу задули, и комнату наполнили тихие шорохи.

Сун Чжэньцзинь лёг в постель, но, глядя в темноту, никак не мог уснуть. Он и сам только сегодня узнал, что у него теперь есть фулан. Когда он увидел гээр в свадебном наряде, пришедшего за помощью, он подумал, что тот попал в беду во время чужой свадьбы. Кто бы мог подумать...

Это, без сомнения, нарушило его планы, но, к счастью, гээр сам предложил разойтись, и он подчинился его воле.

Внезапное присутствие в комнате чужого человека мешало уснуть им обоим.

— Это семья Е виновата перед тобой, — искренне сказал Е Ишу. — Деньги, которые отдали твоему отцу, я постараюсь вернуть.

Сун Чжэньцзинь не ожидал, что он заговорит, и спокойно ответил:

— Это не задержка. Я и не собирался жениться.

— Хм?

— Перед тем как я покинул учителя, он велел мне ехать в столицу префектуры, чтобы

продолжить обучение. Но дома у меня отец, и я столько лет не исполнял сыновний долг. Рано или поздно мне всё равно пришлось бы уехать.

— Понимаю.

— Но ты — гээр, и боюсь, это я задерживаю тебя, — в голосе Сун Чжэньцзиня слышалось искреннее раскаяние.

Е Ишу усмехнулся.

— Что в этом такого? Всё это лишь формальности. Если бы я не хотел успокоить родителей, то уже сегодня заставил бы тебя написать разводное письмо и вернулся бы домой.

— Мгм, — ответил Сун Чжэньцзинь.

Если гээр так думает, то он пострадает меньше всего. Но он, как мужчина, после развода должен будет дать гээр достаточную компенсацию.

Так, болтая ни о чём, они незаметно для себя задремали и, привыкая к чужому присутствию, наконец уснули.

Е Ишу провёл в доме семьи Сун два или три дня, восстанавливая силы. Доктор Сун проверил его пульс и, убедившись, что он полностью здоров, Е Ишу решил, что пора возвращаться и сводить счёты.

Едва забрезжил рассвет, Сун Чжэньцзинь встал.

Он двигался бесшумно. Взглянув на гээр, укутанного в одеяло с головой, он развернулся, убрал свою постель и тихо вышел готовить завтрак.

Дом семьи Сун когда-то был добротным, из синего кирпича, но сейчас от него остались лишь две ветхие хижины. Вторая половина дома обрушилась. Хороший синий кирпич и черепицу Сун Чжунхэ продал, чтобы купить выпивку. На первый взгляд, усадьба Сун представляла собой жалкое зрелище: наполовину руины, наполовину гнилые лачуги.

Сун Чжэньцзинь не раз думал о ремонте, но Сун Чжунхэ был категорически против.

Глядя на руины, Сун Чжэньцзинь вспоминал деда и больше ничего не говорил.

Он не пытался понять мотивы Сун Чжунхэ. Он вернулся не из-за любви к отцу, а лишь для того, чтобы исполнить сыновний долг, после чего он сможет оставить прошлое и без сожалений отправиться дальше.

Кто знает, вернётся ли он сюда до того, как придёт время упокоиться с миром.

Сердце Сун Чжэньцзиня было спокойно, как гладь воды. Он вошёл на кухню, сварил рисовую кашу и стал ждать, когда проснётся гээр, чтобы вместе позавтракать, а затем, взяв подарки, отправиться в деревню Сялинь.

Когда они добрались до дома Е, там царило оживление.

У восточного флигеля кто-то построил новую печь. Его мать молча готовила, а отец подбрасывал дрова.

Бабушка, уперев руки в бока, стояла рядом и кричала, понося и детей, и внуков, и даже предков. Её голос охрип, и было непонятно, как отцу удалось довести её до такого состояния.

Е Ишу, стоя у плетня, поманил рукой Доумя, который сидел в стороне, обхватив колени руками. Глаза мальчика заблестели, и он тут же подбежал, чтобы открыть калитку.

— Старший братец, зять?

Е Ишу взъерошил ему волосы.

— Можешь звать его просто братом.

— Брат Сун.

Сун Чжэньцзинь кивнул ему и вложил в руки пакет со сладостями.

Когда они вошли во двор, Ли Сынян, увидев сияющее улыбкой лицо Е Ишу, почувствовала, как по спине пробежал холодок, хотя солнце светило вовсю. Она тут же юркнула в дом и спряталась.

— Доктор Сун пришёл, — Е Чжэнкунь встал, чтобы поприветствовать гостя. Е Ишу занял его место у огня.

— Мама, что это с бабушкой, опять с ума сходит?

— Я сказал твоему отцу, что мы хотим отделиться. Она не согласилась. Тогда мы построили

отдельную печь и стали готовить сами. Ей, привыкшей жить на всём готовом, это, конечно, не понравилось, вот она целыми днями и ругается.

Ши Пулю улыбнулась и, немного успокоившись, добавила:

— Я уже привыкла к её крикам за эти дни. Если подумать, она только языком чесать и умеет. Когда пришёл Юй Лаосань, она и слова не посмела сказать. Она просто издевается над слабыми и боится сильных. Не знаю, почему я раньше так её боялась.

— Хорошо, что ты это поняла, мама. Но вы действительно хотите отделиться?

— Да, — твёрдо сказала Ши Пулю.

Е Ишу кивнул.

— Если отделиться, жить станет легче.

— А младший дядя?

— В своей комнате.

— Мама, ты знаешь, сколько денег бабушка с дедушкой взяли у семьи Сун?

Ши Пулю покачала головой.

— Твои дедушка с бабушкой всё скрывают, нам не сказали. Но, гээр... ты действительно собираешься разводиться?

Е Ишу кивнул.

— Мама, для меня это не имеет значения. Но доктор Сун собирается уезжать в другие места. У него впереди большое будущее, мы не должны ему мешать.

В конце концов, они оба были не виноваты. Виноваты были их семьи.

Услышав это, Ши Пулю больше ничего не могла сказать. Судя по мастерству доктора Сун, он не из тех, кто проведёт всю жизнь в их городке. Так будет лучше. Её гээр талантлив, он обязательно найдёт себе хорошую пару.

В главной комнате Ли Сынян, войдя, растолкала Е Чжэнкуня.

— Старик, Шу-гээр вернулся! Он точно пришёл с нами разбираться, быстро придумай что-нибудь.

Е Кайлян что-то прохрапел и пробормотал:

— Разбираться? Мы его дедушка и бабушка, как он смеет!

— Дедушка, бабушка, вы чего в доме спрятались? Совесть нечиста, боитесь даже дверь открыть? — Е Ишу стоял перед дверью и постукивал по ней топором, который только что взял.

Сун Чжэньцзинь смотрел на это с замиранием сердца.

Е Чжэнкунь знал, что у его гээр есть чувство меры, но, взглянув на зятя и боясь его напугать, поспешил объяснить:

— Наш гээр бывает немного порывистым, но ты не бойся.

Сун Чжэньцзинь покачал головой.

— Тесть, не беспокойтесь.

Он уже видел гээр и в более свирепом обличье.

Наконец, Ли Сынян, не выдержав угрожающего стука, открыла дверь.

— Что ты хочешь? — неуверенно спросила она.

— Ничего особенного, просто пришёл забрать пятьдесят лянов серебра, которые вы взяли в качестве выкупа за невесту, — сказал Е Ишу, помахивая топором.

— Что за чушь собачья! Было всего двадцать лянов!

Е Ишу усмехнулся.

— Бабушка, не стоит так приуменьшать, чтобы присвоить деньги... Мой муж здесь. — Сказав это, он кивнул в сторону главной комнаты.

Сун Чжэньцзинь, услышав это обращение, почувствовал, как у него загорелись уши. Однако он продолжал сидеть и разговаривать с Е Чжэнкунем.

— Ты клеветешь! Да ты хоть подумай, стоишь ли ты пятьдесят лянов серебра!

Е Ишу взмахнул топором, и старуха тут же попятилась, её пыл поубавился.

— Пусть будет двадцать лянов, — сказал Е Ишу, протягивая руку. — Эти деньги должны храниться у моей матери, не так ли?

Ли Сынян не смела спорить с Е Ишу и, дрожа, вытолкнула вперёд Е Кайляна.

— Ты с ним говори.

Е Кайлян оттолкнул руку Ли Сынян и, заложив руки за спину, напыжился:

— Угрожать топором дедушке с бабушкой, так вас с отцом учили?

— Дедушка, отдайте деньги, — сказал Е Ишу.

— Ты! — старик взмахнул рукой. Увидев, что его старший сын всё ещё готовит на улице, он почувствовал себя увереннее. — Ты уже замужний гээр, зачем тебе эти деньги!

— Просто отдайте деньги, а остальное вас не касается.

Старики не двигались.

Е Ишу саркастически усмехнулся.

— Не отдадите, да? Хорошо. Я пойду к главе клана.

— Вернись! — крикнул Е Кайлян. — Ты опозоришь всю семью Е!

— Разве это не ваш младший сын уже опозорил её? Почему вы вините меня? — сказал Е Ишу.

Старое лицо Е Кайляна побагровело, но денег у него не было. Он отвёл взгляд и, стараясь казаться спокойным, сказал:

— Раз ты знаешь, то должен понимать, что деньги уже отданы. Их нет!

— О, тогда я пойду к главе клана.

— Е Ишу! Чего ты добиваешься?! — старик чуть не подпрыгнул от злости.

Рассказать главе клана — значит опозорить его, Е Кайляна, перед всеми сородичами! Дед забрал выкуп за внука — это уже само по себе некрасиво.

Уголки губ Е Ишу изогнулись в улыбке. Он опустил топор.

— Ничего особенного, просто разделите семью.

— И не мечтай, только через мой труп!

— Хорошо, тогда я пойду к главе клана.

— Иди, иди! Даже если пойдёшь, я не разделю! — кричал Е Кайлян.

Е Ишу бросил взгляд на западный флигель, где не было ни малейшего движения. «И до сих пор прячутся», — подумал он.

Е Ишу знал, что старик твёрдо решил не делить семью, и не рассчитывал, что это произойдёт прямо сейчас. Но и деньги он просто так отдавать не собирался.

— Ладно, не хотите делить, как хотите. Раз и денег у вас нет, я пойду к младшему дяде. Если и у него нет... раз мои деньги спасли ему руку, то я заберу его ладонь.

Сказав это, он, не дожидаясь реакции, схватил топор и бросился к двери западного флигеля.

Е Чжэнсун, который прятался в комнате, обомлел от ужаса. Старики тоже перепугались до смерти.

— С ума сошёл! С ума сошёл! Ши Пулю, посмотри, какого хорошего гээр ты вырастила!

— Дядя, чего прячешься? Ты в игорном доме развлекался, мы за тебя долг заплатили, руку тебе спасли. Почему все блага достаются только тебе?

— Выходи, поговорим.

Такой вид гээр напугал даже Е Чжэнкуня, который стоял в главной комнате.

«Гээр обычно такой рассудительный, неужели его и вправду довели?!»

— Папа, мама, скорее оттащите этого сумасшедшего! Оттащите! — донёлся из комнаты полный ужаса голос Е Чжэнсуна.

Е Ишу, не меняясь в лице, напряг руки, и топор раз за разом обрушивался на дверь. Ли Сынян и Е Кайлян попытались его оттащить, но Е Ишу лишь бросил на них мимолётный взгляд, и старики застыли на месте, не смея пошевелиться.

Говорят, босой не боится обутого. Старики вместе с семьёй Е Чжэнсуна продали гээр, и теперь, когда он пришёл требовать своё, от их былой спеси не осталось и следа.

С громким треском дверь поддалась.

Е Ишу одним ударом ноги вышиб её. Внутри, дрожа, сжались в комок муж и жена. Е Цзиньбао он не увидел, и это его удовлетворило.

Он подошёл к ним, и топор зловеще блеснул в его руках.

— Дядя, протяни руку, — тихо сказал Е Ишу.

— А-а-а-а!!!! Мама, спасите! Спасите! Шу-гээр хочет меня убить!!! — Е Чжэнсун был парализован страхом, по его коже побежали мурашки.

— А-Шу! А-Шу, не делай глупостей! — его отец, стоявший у двери, тоже похолодел от ужаса.

Е Ишу повернул голову, его взгляд встретился с взглядом Сун Чжэньцзиня, который находился за пределами комнаты.

Сун Чжэньцзинь увидел ясность в его глазах и, заметив, что гээр бросил взгляд на своего отца, всё понял. Он помог родителям гээр отойти.

Дверь с треском захлопнулась. Е Ишу перевернул топор и начал бить Е Чжэнсуна обухом. Увидев, что Цзинь Лань пытается сбежать, он ударил её по шее, и та без чувств рухнула на пол.

— Дядя, ох, дядя, я очень, очень долго тебя терпел.

С этими словами он, не обращая внимания на вопли, принялся избивать его. В комнате раздавались звуки борьбы, и крики Е Чжэнсуна постепенно стихли.

Снаружи старики метались в тревоге, но не смели подойти ни на шаг.

Через некоторое время Е Ишу вышел с листком бумаги в руке.

Он помахал им перед носом дедушки и бабушки и лучезарно улыбнулся.

— Смотрите, долговая расписка. Чёрным по белому, дядя с тётёй отпечатки пальцев поставили.

Е Ишу придвинул стул к Ли Сынян и с улыбкой сказал:

— Дедушка, бабушка, прошу.

Чернильница была открыта, расписка лежала на столе. Е Ишу, придерживая Е Чжэнсуна, смотрел на стариков.

— Е Ишу, ты знаешь, что делаешь!

— Не поставите? Ладно.

Е Ишу сжал кулак и ударил Е Чжэнсуна. Тот взвыл от боли и, с опухшим и посиневшим лицом, взмолился:

— Ставьте, папа, мама! Больно, он же меня убьёт!

Старики дрожащими руками оставили свои отпечатки.

Е Ишу отшвырнул Е Чжэнсуна на пол и усмехнулся.

— Не хотите делить семью, ладно. Пусть мои родители пока поживут здесь, я их потом заберу. Я буду часто навещать их, и если я увижу, что им живётся плохо, то ваш младший сынок...

— Больно! Больно, больно! Не смею, не смею! Я буду хорошо относиться к старшему брату и невестке! — Е Чжэнсун сдался мгновенно.

Е Ишу убрал топор и улыбнулся так, словно ничего не произошло.

Он сделал то, о чём мечтал больше десяти лет, и чувствовал себя прекрасно!

— А что до этой расписки, я её пока у себя подержу. Сначала съезжу в уезд, найду игорный дом, потом поставлю печать у уездного судьи, и тогда вы уже не отвертитесь, придётся предстать перед судом.

Сказав это, Е Ишу перестал улыбаться.

Он больше не хотел тратить на них слова, верят они ему или нет.

Старуха бросилась к своему младшему сыну, а старик, указывая на спину Е Ишу, хотел что-то крикнуть, но не смог.

Он довёл дело до такой точки, что теперь, даже если семья формально и не разделена, по сути, они уже жили отдельно.

Е Ишу недолго пробыл в доме Е. Поев, он собрал свою одежду и ушёл вместе с Сун Чжэньцинем.

Доумяо не хотел его отпускать и провожал от дома до самого подножия горы.

— Что ты плачешь? Я же вернусь, — с улыбкой сказал Е Ишу, погладив его по голове.

— Правда?

— Я тебя обманывал? — Е Ишу щелкнул его по лбу. — Возвращайся и присматривай за родителями. Если их будут обижать, в следующий раз, когда я приду, расскажешь мне.

— Хорошо! Я обязательно буду за ними присматривать.

Ребёнка было легко успокоить. Е Ишу проводил его взглядом до самой деревни, а затем повернулся к Сун Чжэньциню.

— Прости, что тебе пришлось это видеть.

Сун Чжэньцинь покачал головой. Он стоял на фоне зелёных гор, и сам был строен и красив, как гора.

— К разным людям нужен разный подход. Гээр беспокоится о родителях, а обычными методами эту семью не проймёшь. Те, кто способен продать гээр, на что-то хорошее не способны.

Не успели они войти в горы, как издалека показалась его мать.

Е Ишу велел Сун Чжэньциню идти вперёд, а сам остался ждать. Мать, задыхаясь, подбежала к нему и сунула в руки мешочек с серебром.

— Гээр, это деньги, которые твой учитель помог выручить за оленя. И твои сбережения, я в прошлый раз забыла тебе отдать. Возьми, сохрани.

Е Ишу открыл мешочек — там было целых тридцать лянов.

Сейчас деньги ему были очень нужны. Он отсчитал десять лянов и несколько мелких монет и вложил их в руку матери.

— Мама, это вам на хозяйство.

— Гээр...

— Мама, послушай меня.

Ши Пулю, глядя в решительные глаза сына, медленно кивнула.

— Хорошо, я сохраню их для тебя.

— Не для меня, — поправил Е Ишу. — Это на лекарства и на хозяйство.

— Я поняла.

Покинув деревню Сялинь, он почувствовал, как на душе стало легче. Учитель помог продать оленя, и теперь у Е Ишу были деньги.

Вот только те двадцать лянов, пожалуй, сейчас вернуть не получится. Но за лекарства он заплатить сможет.

Е Ишу понимал, что в этот раз он был на волосок от смерти, и Сун Чжэньцзинь, спасая его, потратил немало сил. Он без обиняков спросил о стоимости визита и лекарств и отдал два ляна серебра.

Зимой охотиться трудно, так что можно заняться торговлей.

Поскольку Е Ишу был в деревне Шанчжу человеком новым, его невольно разглядывали. Видя его рядом с Сун Чжэньцзинем, деревенские с улыбкой называли его «фулан доктора Чжэньцзиня».

Е Ишу с улыбкой кивал, не меняясь в лице.

Вернувшись во двор Сун, он увидел во дворе женщину. Она развешивала бельё, а рядом с ней крутился крепкий мальчуган.

Женщина была бледна, с тонкой, как ивовый прут, фигурой. На вид ей было не больше тридцати.

— Старший вернулся.

Мальчик опустил свой маленький деревянный меч и крикнул Сун Чжэньцзиню:

— Старший брат.

Сун Чжэньцзинь, взглянув на Е Ишу, представил их:

— Это тётушка Чжоу, а это младший брат Цуй Дин. Прозвище — Цайтоу.

Е Ишу поздоровался с ними:

— Тётушка Чжоу, Цайтоу.

После этого Сун Чжэньцзинь достал из рукава красный конверт, протянул его мальчику и сказал:

— Это от брата Шу.

Цайтоу взял конверт и тут же поблагодарил Е Ишу:

— Спасибо, брат Шу!

Е Ишу принял его благодарность и, вернувшись в комнату, потянул Сун Чжэньцзиня за собой, чтобы спросить:

— Зачем ты это сделал?

— Таков обычай, — серьёзно ответил Сун Чжэньцзинь.

Е Ишу нахмурился.

— Я здесь всего на несколько дней.

— Но для всех ты — мой фулан, — Сун Чжэньцзинь опустил глаза, глядя на Е Ишу. Последние два слова он произнёс очень тихо, и они прозвучали, как шелест бамбуковых листьев, щекоча слух.

Е Ишу отвернулся, потёр ухо и неохотно согласился с этим объяснением.

<http://bllate.org/book/13660/1586793>